

ЭДУАРД НОРДМАН НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПАТРИЗАН...

Эдуард Нордман

Не стреляйте в партизан...

«Public Domain»

2007

УДК 355.48(47+57) «1941/1945»
ББК 63.3(4Бей)622

Нордман Э. Б.

Не стреляйте в партизан... / Э. Б. Нордман — «Public Domain»,
2007

Книга написана бойцом партизанского отряда, созданного в первые дни Великой Отечественной войны в Пинске. Отряд под командованием В.З. Коржа 28 июня 1941 г. провел первый в истории второй мировой войны партизанский бой с гитлеровцами. Автор рассказывает не только о боях, атаках и диверсиях. Он проанализировал причины и побуждения, вызвавшие массовое сопротивление фашистам на оккупированной территории. Написанная через 60 лет после Великой Победы книга является воспоминанием-размышлением о движущих и организующих силах народного сопротивления, об истоках военных поражений, о вкладе в разгром врага партизанского движения как явления, изменившего, по оценкам немецких генералов, ход войны. Это ответ тем, кто в наше время пытается бросить тень на партизанское движение и на людей, вынесших невероятные испытания, но не дрогнувших.

УДК 355.48(47+57) «1941/1945»
ББК 63.3(4Бей)622

© Нордман Э. Б., 2007
© Public Domain, 2007

Содержание

1119 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА	5
ПЕРВЫЕ ДНИ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Э.Б. Нордман

Не стреляйте в партизан...

1119 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА

Внукам и правнукам партизан и партизанок Великой Отечественной войны посвящаю эти страницы. Чтобы помнили и понимали то, что свершили их деды и прадеды. Чтобы отличали правду от лжи и умели возразить тем, кто распространяет ложь. Чтобы в прошлом страны видели не остывшую золу, носимую политическими ветрами в разные стороны, а благодатный огонь, согревающий и объединяющий поколения.

Автор

Ни мне, ни моим товарищам подобное не могло присниться даже в самых кошмарных снах 1941 года. В то время мы ждали выстрелов с любой стороны и в любой момент. За нами постоянно охотились немцы и полицаи. Но представить, что в нас будут стрелять и через шестьдесят лет после Победы, притом те, за кого мы воевали, не могла допустить никакая фантазия. И тем не менее теперь это происходит с регулярностью и настойчивостью, достойной лучшего применения.

Вот один из примеров. В 2000 году в Москве вышла книга «Империя Сталина», снабженная подзаголовком, который недвусмысленно намекал на солидность издания: «Биографический энциклопедический справочник». Автор книги К.А.Залесский. В статье, посвященной начальнику Белорусского штаба партизанского движения П.И. Калинину, написано: «В Белоруссии было одно из наиболее широких партизанских движений во время войны, при этом часто к участию в партизанских отрядах принуждали путем запугиваний и принудительных мобилизаций».

Нас, получается, гнали в партизанские отряды из-под палки? Должен сказать, что до подобного кощунства (иного слова не подберешь) не додумались даже немцы во время той кровопролитной войны, хотя именно для них мы стали настоящей костью в горле.

Наоборот, как показали более поздние исследования, будучи людьми скрупулезными, они в своих донесениях отмечали, что случаев насильственного включения в партизанские отряды не зафиксировано.

А ведь они-то хотя бы в пропагандистских целях могли дать волю своим идеологическим фантазиям и использовать, например, те факты, когда мы в случае возникновения смертельной опасности для работавших на нас людей демонстративно уводили их под конвоем, чтобы отвести подозрения от их семей и родственников. И делали так не раз. Но немцы не додумались или не позволили себе того, что много лет спустя позволил Залесский «и иже с ним».

Этот огонь на поражение памяти требует ответа. Не столько во имя нас, воевавших тогда в тылу врага, так как нас поколебать уже невозможно никакими измышлениями, а во имя нынешних и будущих поколений белорусов, россиян, украинцев, евреев, татар, грузин, армян, всех народов, сыновья которых открыли огромный фронт в тылу врага, всеми силами приближая Победу.

Правда о тех днях нужна именно им как исторический компас, потому что в прошлое, указывал историк Карамзин, люди заглядывают для того, чтобы найти ответы на вопросы будущего. Да и народная мудрость советует: «Чтобы уверенно шагать вперед, не вредно оглянуться назад».

Эту книгу я адресую внукам и правнукам партизан, сражавшихся с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. На долю внуков и правнуков тоже выпали непростые годы. Непростые в том смысле, что жить им приходится в период умопомрачительных перемен.

Даже умудренному жизнью человеку, обладающему широчайшими познаниями в сфере политики и истории, порой непросто в них разобраться. Как же быть тем, кто таких познаний не имеет, а в учебниках, в прессе, в исторических исследованиях – полный разнобой? Особенно в России.

Какой вывод о тех же партизанах они могут сделать, когда маятник политических и иных пристрастий качнулся в противоположную сторону, когда бывшие гитлеровские прислужники выставляются «патриотами, боровшимися со сталинизмом», а те, кто воевали с оккупантами и их пособниками, называются бандитами?

Что нынешним молодым людям считать объектом гордости, если на них обрушивается лавина публикаций, авторы которых на одну доску ставят СССР и фашистскую Германию и утверждают, что история великой страны состоит из ужасов и мерзостей? Вольно или невольно в такой ситуации вспоминаются горькие слова английского мыслителя Карлейля о том, что истории нет, есть только историки. Нужно добавить, что теперь и в историки полезли все, кому не лень.

Я не сторонник теории конфликта поколений. О таком конфликте говорят и пишут со времен египетских фараонов, но если бы он был столь глубоким, как пишут, человечество давно бы «приказало долго жить». А что касается дискуссий, то мне больше нравится поговорка, которая гласит: «Умные люди не спорят, они просто уточняют факты».

Уверен, из ныне живущих именно молодежь наиболее нуждается в таком уточнении фактов. Поэтому я и обращаюсь к ним, нынешним молодым людям, и говорю им: «Уточните факты, и вы обязательно поймете, что должны гордиться своими дедами, прадедами, воевавшими за правое дело на всех фронтах той страшной войны. Потому что они, уничтожив гитлеризм, спасли всех, даже тех, кто сегодня высыпает на их могилы кучи мусора».

Вклад партизан в это спасение чрезвычайно важен. По-моему, он еще не получил справедливой, как теперь говорят, адекватной оценки. Адекватной их заслугам перед Победой.

Отнюдь не намерен приукрашивать советский период истории нашей страны, потому что видел всякое. И во время войны, и после нее. Вспомните, как когда-то в «застойные времена» все дружно смеялись, услышав фразу известного сатирика «мне в Париж по делу». Чего греха таить, в те годы непросто было попасть во французскую и иные столицы. Потому так и шутили.

Но были и другие шутки. Они мне ближе. В одном из фильмов, помнится, представительница «Интуриста» спрашивает у пожилого человека, был ли он за границей, а если да, то где.

Был, – ответил тот. – В Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии.

– Во время туристической поездки? – уточняет девушка.

– Нет, пешком ходил.

Да, наши ноги болят не только от возраста, но и от пройденных дорог, полученных на тех дорогах ран. Кто сосчитает, сколько километров я «намотал на своих двоих», если за три года войны в тылу врага исходил вдоль и поперек всю тогдашнюю Пинскую область, половину Минской, часть Брестской и Полесской. Ноги для партизана – самый надежный транспорт: овса не просит, бензина не надо.

Да, теперь в Париж можно попасть по делу и без дела. И это многим представляется главным достижением эпохи. Но все-таки нынешним молодым надо помнить, благодаря кому французским остается тот самый красавец Париж, о котором у нас принято говорить: увидеть – и умереть. От восторга. Благодаря кому существует суверенная Франция, а Польша принадлежит полякам, Чехия – чехам, Бельгия – бельгийцам, Голландия – голландцам...

Многих государств не было бы на европейской карте, если бы не деды и прадеды нынешних молодых людей бывших республик СССР. Более того, они и от лица самой Германии отвели страшную гримасу и позор нацизма, гитлеризма, человеконенавистничества. Не забывайте об этом. Не для того, чтобы напроситься на благодарность. А ради исторической справедливости. И не давайте убивать нас еще раз. Подчеркну, слово убивает похлеще пули.

Нет, я не собираюсь утверждать, что Великую Отечественную войну выиграла партизаны. Я хочу сказать о другом. О том, что эти люди не ждали повесток из военкомата, что их никто не обеспечивал оружием, боеприпасами, обмундированием. Особенно на первом этапе войны. Их чаще всего никто не учил воевать – освоили эту науку сами.

За ними не следовали полевые кухни и госпитали. Почтальон не сходил с ума, «разыскивая нас», чтобы принести весточку от родных, потому что у нас не было номеров полевой почты и самой почты. Только сам партизан знал, где в данный момент он находится. Впрочем, не всегда знал. Разное случалось.

Партизан не надо было агитировать, напоминать им о долге, уставе, ответственности перед законом. Они сами агитировали себя и других, сами делали свой выбор. Нередко не только за себя, но и за своих близких, которых тоже подвергали смертельной опасности, уходя с оружием в лес, проводя диверсии, разведку, действуя в подполье.

Тем тяжелее и страшнее тот выбор становился. И тем кошунственнее не понимать этого, целясь в тех людей из сегодняшнего дня.

Призываю не делать этого не по принципу снисхождения, мол, не стреляйте в пианиста – он играет как умеет. Смею заверить, мы сумели многое.

Во-первых, партизан должен быть отличным разведчиком во всех смыслах этого слова. И на местности хорошо ориентироваться, и следы читать, и уметь замаскироваться, чтобы вовремя стать незаметным в поле, в лесу, в деревне. «Ведь поле видит, а лес слышит», – часто повторял наш командир Василий Захарович Корж.

Партизану пришлось освоить и топографию. Ему довелось организовывать конспиративную сеть в населенных пунктах, особенно в тех, где размещались немецкие и полицейские гарнизоны. А это уже искусство, которому в других ситуациях учат многие годы в специальных заведениях. Мы справились с этим самостоятельно.

Во-вторых, партизану надо быть хорошим пехотинцем, а это значит – быть готовым к длительным переходам, к рытью окопов, траншей, быстрому сооружению укрепленных огневых точек. Уметь вести бой в составе подразделения и в одиночку, в атаке и обороне.

В-третьих, он должен быть сапером-минером. Притом не только уметь пользоваться готовыми взрывными устройствами, но и изготавливать их. Теперь уже вряд ли кто скажет, из

скольких бомб, снарядов мы выплавили, выковыряли тол, чтобы было с чем ходить на ту же «железку».

В-четвертых, партизан должен быть медиком. Помощь друг другу во время ранений и болезней мы оказывали сами, особенно на первых порах, когда в наших рядах было очень мало врачей и санитаров.

В-пятых, он должен быть снабженцем, уметь делиться последним. Не раз, особенно в первые месяцы, приходилось выкладывать на общий «кон» весь наличный хлеб, резать его примерно на равные части. Затем один отворачивался, другой брал кусок и спрашивал: «Кому?» Тот отвечал: «Лифантьеву, Комарову, Нордману...» Всем одинаково – и рядовому, и командиру. Нас такая уравниловка только спланивала.

Между теми, кто в минуты тяжелейших испытаний, после трудного боя или перехода делится единственным сухарем, складываются особые отношения. А нам нередко приходилось быть и на подножном корме: грибы, ягоды, щавель, крапива, что собирали женщины и дети семейных лагерей, обжигая руки.

Наш фельдшер Федя в таких случаях успокаивал их словами о том, что ожоги крапивы очень эффективны против ревматизма. Случалось жертвовать для партизанского котла и своими лошадаками.

И наконец, каждому из нас предстояло быть умелыми агитаторами и пропагандистами, потому что надо было уметь разговаривать со старыми и молодыми, с мужчинами и женщинами, с благосклонно к нам настроенными и не очень. Кроме того, в общении с населением надо быть людьми оптимистичными, веселыми. Ведь что это за агитатор, если от него за версту несет унынием.

У белорусского политолога Юрия Шевцова были все основания для следующего сравнения: около четырехсот тысяч белорусских партизан уничтожили, вывели из строя почти полмиллиона гитлеровцев, их союзников и прислужников.

Они не имели при этом танков, истребителей и бомбардировщиков, бронепоездов, крейсеров, эсминцев, торпедных катеров, артподготовок из сотен пушечных стволов перед атакой. Воевали по преимуществу стрелковым оружием. А ведь такой показатель, как полмиллиона врагов, хорош даже для регулярной армии.

Об этом моя книга. О том многоплановом, многоликом, донныне, на мой взгляд, всесторонне не изученном и до конца не оцененном явлении, каким было партизанское движение.

Не претендую на истину в последней инстанции, но уверен, что история его еще не написана. Не смогу это сделать и я. Просто хочу сказать свое слово. Имею право, так как провел в тылу врага 1119 дней той страшной войны. И, смею заверить, не отсиживался. Правда, в штурме Берлина не участвовал.

После освобождения Белоруссии я был оставлен на комсомольской работе и назначен первым секретарем Пинского горкома комсомола. А в те дни, когда брали Берлин, и вовсе был занят весьма важным делом. Даже более важным, чем война. Я женился. Ольга Федоренко – участница боев на фронте. В 1941 году награждена медалью «За отвагу», когда она была санинструктором в одной из красноармейских частей, защищавших Москву.

В 1944 году Ольгу направили в Западную Белоруссию, как тогда выражались, на восстановление народного хозяйства. Она попала в Пинск и работала у меня в аппарате горкома комсомола. Так что с Ольгой Александровной мы вместе уже более шестидесяти лет.

И когда 2 мая 1945 года всю гуляла наша свадьба, в два часа ночи из черной «тарелки»-репродуктора раздались привычные позывные радио Москвы. Знакомый, уже родной для всех и торжественный голос Юрия Левитана сообщил: «От Советского Информбюро... Советские войска в результате ожесточенных боев овладели столицей Германии Берлином. Знамя победы водрузили над рейхстагом. Фашистское логово...»

До конца мы не дослушали, выскочили на улицу. Стреляли из всех имеющихся стволов: пистолетов, револьверов, автоматов, винтовок. На северо-восточной окраине Пинска стала салютовать корабельная пушка на одном из судов речной военной флотилии. Кто-то запускал осветительные ракеты.

Успокоились хлопцы не скоро. Вернулись к столам, к недопитой самогонке. Опрокинули за Победу. Ведь уже было ясно, что она пришла.

А еще в памяти сохранилась такая деталь: часа в четыре ночи в окно кто-то постучал. Оказывается, живший с семьей по соседству бывший партизанский доктор, а теперь заведующий областным управлением здравоохранения Николай Иванович Воронович, услышав стрельбу на нашей улочке Бассейной, подумал, что город захватила крупная банда. Тогда они еще шастали в окрестностях. И он вместе с семьей забрался в подвал своего домика, где и сидел, пока все стихло. Потом постучался к нам, чтобы поинтересоваться, по какому поводу стреляли.

Но во время тех свадебных и победных радостей мне и в голову не могло прийти, что буквально через несколько недель мне придется отправиться в... Берлин, побывать в поверженном рейхстаге и даже оставить надпись на его стене. Не от себя, не за себя. За всех своих товарищей по партизанской борьбе – рядовых и командиров.

А дело было так. В двадцатых числах мая 1945 года делегация Пинска была направлена в Германию, в свою подшефную дивизию – 55-ю Иркутско-Пинскую. Слово «Пинская» в свое почетное наименование она добавила за освобождение нашего города от оккупантов. Мы долго искали штаб третьего Белорусского фронта, в состав которого входила дивизия. Штеттин, Ландсберг... Наконец нашли.

Встретили нас радушно. В управлении тыла штаба фронта выдали три пишущие машинки для горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, а также две легковые автомашины, еще кое-что. Вручили и личные подарки.

Мне достался радиоприемник «Телефункен». Большой ящик, по краям окованный металлом. Принимал на удивление много радиостанций. Звучание имел поразительное. Потом, уже в Пинске, жители улицы часто толпились около дома, в котором я с семьей жил, слушали новости, музыку, даже танцевали.

Военные в штабе фронта советовали: «Берите больше!» Мы же думали, как это все в Пинск доставить. Машин-то две, а водитель один. Пришлось срочно осваивать водительское дело мне, молодой все-таки. Да и самому было интересно.

А еще нам тогда, конечно же, хотелось побывать в Берлине. И чем ближе была германская столица, тем более жуткие картины недавних боев нам открывались. Никогда не забуду сотен, а может, и тысяч сгоревших советских танков на Зееловских высотах. За прошедшие недели запах гари с них еще не выветрился.

К сожалению, по гражданскому своему пониманию, мы не согласовали этот заезд с военным командованием. И нас по дороге задержали, доставили в штаб ближайшего корпуса. Правда, задержали по моей вине. В одном из городков я не справился с управлением и повредил конную повозку, принадлежавшую кавалерийскому корпусу. Нас доставили к командованию.

Корпусом командовал генерал Алексей Николаевич Инаури – грузин. После войны с середины пятидесятых годов он возглавлял КГБ Грузии. Человек он строгий, и нас стали спрашивать весьма дотошно: «Кто такие, ваши документы...» Мы забеспокоились: быть беде, чего доброго, под арест посадят до выяснения всех обстоятельств.

Документы мы предъявили, а мне сразу вопрос: «За что получил орден Красного Знамени, за какие подвиги?» Объяснил, что три года воевал в партизанах, а награду получил еще в 42-м. Отношение к нам сразу изменилось.

Посыпались шутки, мол, что с партизан возьмешь, они же привыкли действовать без предупреждения. Но напомнили, что порядок в расположении корпуса надо соблюдать. Потом генерал распорядился нас накормить и устроить на ночлег. Назавтра нас обеспечили бензином, а еще в дорогу подкинули парочку канистр спирта. Дорога-то до Пинска предстояла долгая.

А потом мы все же побывали в рейхстаге и рейхсканцелярии. Сильных разрушений или следов пожара в рейхсканцелярии я не помню. Запомнились большой кабинет, большой глобус у стола. Попробовали его вращать. В кабинете напротив приемной я прихватил какую-то папку с надписью «Адъютант фюрера». Зачем она мне? А для того, чтобы подтвердить, что был в той самой канцелярии. Побывали там, где закончили свои дни Гитлер, Ева Браун. Запомнились смрад и чувство гадливости. И никакой злобы. Равнодушие. Так и должно было случиться, туда вам и дорога...

Затем мы подъехали к рейхстагу. Все его стены и колонны были расписаны мелом, углем, краской. Многие надписи выцарапаны штыками или чем-то острым. И я тоже подыскал нужную железюку.

Мужики подняли меня на плечи, чтобы можно было найти свободное место на колонне, и я нацарапал: «Пинские партизаны дошли до Берлина». Я знал, что большинство наших ребят после освобождения белорусских земель ушли на фронт. И я сам собирался в действующую армию, другого и предполагать не мог.

Многие мои партизанские соратники в самом деле дотопали до немецкой столицы, доползли по-пластунски, добежали в атаках. Но меня и Виктора Лифантьева оставили на комсомольской работе. Василий Захарович Корж – командир нашего партизанского соединения – так решил. Объяснил он свое решение очень просто: «Здесь ты теперь нужен. Что ты все под пули рвешься!»

На Берлин, на рейхстаг я, конечно, смотрел широко раскрытыми глазами. И не только потому, что впервые был за пределами родной земли. Мне в ту весну было двадцать три года. Еще четыре года назад мне никакая фантазия не позволила бы предположить, какими они для меня станут, эти годы, что придется пережить, чтобы оказаться в германской столице. А пережить пришлось многое.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Когда читаешь, слушаешь воспоминания о днях Победы, невольно возникает ощущение, что война для всех закончилась одинаково. Была безудержная радость, столь же безудержная стрельба в воздух, пока хватало патронов. Ведь эту Победу так ждали, так много за нее положили, так часто не надеялись до нее дожить. Потому радость, по сути, была и двойной, и одинаковой: мы победили, и я жив. Это было самое важное, а самое важное остается таковым и через десятки лет. Я, как видите, тоже начал... с той же стрельбы от радости.

А вот воспоминания о том, кого и где война застигла, у всех разные. И это тоже объяснимо. Люди занимались разными делами, и главным виделось разное. Один собирался строить дом, другой – учиться, третий ждал ребенка...

Война все и всех привела к единому знаменателю и сама стала главным делом жизни на целые годы, поделив время и заботы на «до» и «после». Она заставила все отбросить в сторону и начать действовать в новых условиях. А ценой тех действий могло быть собственное пребывание на земле.

Тогда самым важным стало именно это: быть или не быть. И как быть. Каждому предстояло сделать выбор, исходя из желания «быть», но совершенно не зная, какую цену за это придется заплатить. Потому и я расскажу, как и где начиналась война для меня.

Мне в ту пору было девятнадцать лет, и работал я заведующим отделом Пинского райкома комсомола. Пинск – тогда небольшой город на юго-западе Белоруссии – был центром созданной полтора года перед этим Пинской области. До сентября 1939 года он входил в состав Польши, как и вся Западная Беларусь, которая на законных основаниях вошла в состав БССР и СССР только в декабре 1939 года, после соответствующих решений Верховных Советов БССР и СССР.

Новую власть, как правило, осуществляли новые кадры, прибывшие в основном из восточных районов республики и всей страны. Так оказался в Пинске и я, уроженец Гомельской области.

Переехать на новое место работы мне не составляло никакого труда, потому что родителей у меня уже не было, собственной семьи еще не создал, какого-то имущества не было тем более. До этого успел два года поучиться в медицинском техникуме, но не окончил его.

Жить приходилось на голую стипендию в шестьдесят рублей, которой катастрофически не хватало. Хлеб да кипяток, а суп перловый – один раз в два-три дня. И помощи ждать было не от кого.

После второго курса устроился пионервожатым на лето, чтобы подработать. Через некоторое время взяли инструктором Гомельского горкома комсомола. Оттуда попал на республиканские курсы в Минск. Это был тот самый 1939 год, год освобождения Западной Беларуси и воссоединения ее с БССР. Вот тогда-то почти все участники курсов и были направлены на комсомольскую работу в западные регионы. Так я и оказался в Пинске.

В то воскресенье – 22 июня 1941 года – в Пинском районе было запланировано проведение молодежного кросса. По поручению бюро райкома комсомола я за несколько суток до соревнований выехал в Парохонский и Дубновичский сельсоветы (примерно в тридцати километрах от Пинска) готовить это мероприятие.

В пятницу 20 июня в деревне Парохонск провел комсомольское собрание, посвященное спортивным соревнованиям. Заготовили красные полотнища с надписями «Старт» и «Финиш», другие транспаранты. Но кросс бежать не довелось.

Утром 22 июня к восьми часам я пришел к зданию Парохонского сельсовета, где в десять было намечено дать старт. У сельского исполкома собралось несколько десятков юношей и девушек, одетых наряднее, чем обычно. Все-таки воскресенье и молодежный праздник.

А вскоре из Пинска прибыл поезд. Мы увидели большую группу людей, которые молча шли со стороны станции. Лица у всех были встревоженные, даже растерянные. Среди них – лейтенант, начальник авиаполигона воинской авиачасти в Жабчицах в девяти километрах от Пинска. Полигон размещался в болотах за Парохонском. На мой вопрос о том, что случилось, лейтенант ответил:

– Немцы бомбили военный аэродром в Жабчицах. Я видел, как два наших истребителя поднялись в воздух. Один из них таранил фашиста. Вот все, что я знаю.

Надо полагать, налет произвел на лейтенанта нешуточное впечатление, если он уже в десять утра оказался довольно далеко от своей части, без пилотки, без ремня. А что касается тарана над Жабчицами в то июньское утро, то рассказ о нем я потом не раз слышал от местных жителей и партизан: и в сорок втором, и в сорок третьем, и позже – после войны.

При этом уточнялось, что взлетевший пилот не вел огонь по немецким бомбардировщикам. Он сразу пошел на таран. Похоже, боеприпасов на борту самолета не было. К сожалению, фамилия отчаянного летчика, совершившего тот подвиг в первые часы войны, мне не известна до сих пор.

Выслушав лейтенанта, я побежал в сельсовет к телефону, чтобы дозвониться до Пинска. Сделать это удалось с большим трудом. В райкоме комсомола никто не отвечал. Впрочем, в райкоме тогда работали всего два человека: секретарь и заведующий отделом, то есть я.

Наконец удалось соединиться с первым секретарем райкома партии К.Т. Жулего. От него и получил указание собрать сельский актив, дождаться работника райвоенкомата и помочь ему в проведении мобилизации военнообязанных. С этими мобилизованными к концу дня предстояло вернуться в город.

В Пинск мы прибыли поздним вечером на платформе товарного поезда. Сразу скажу, что мобилизованных было 40 – 50 человек, до города удалось довести не всех. Большинство растворилось в темноте на остановках. Об этом я еще расскажу. А тогда мне было не до них, тем более что ими занимался представитель военкомата.

Я сразу же поспешил на улицу Почтовую, теперь она носит имя Героя Советского Союза Константина Заслонова. Там располагался обком комсомола. В кабинете первого секретаря Ольги Александровны Сысоевой былолюдно. Входили и выходили люди, получали какие-то указания.

Вскоре привезли винтовки и патроны. Шло формирование истребительного отряда. Слово «партизанский» еще не произносилось. Организовывал истребительный отряд заведующий финансовым сектором обкома партии Василий Захарович Корж.

Почему именно Корж, а не другой работник обкома партии или обкома комсомола, или местного НКВД?

Уроженец здешних мест, человек в возрасте чуть больше сорока лет, старик для нас молодых, Василий Захарович был известен нам как участник гражданской войны, боев в Испании, орденосец.

Я тогда еще не предполагал, что бок о бок с ним мне придется провести долгих три года и эти годы общения с Василием Захаровичем окончательно сформируют меня как человека. Инициатива создания такого отряда исходила именно от него. И высказал ее он еще утром 22 июня.

В тот злополучный день Василий Захарович на работу не собирался. На рассвете вместе с сыном Леонидом стал поливать грядки с капустой, а потом планировал махнуть на Пину, чтобы посидеть с удочками.

Но у калитки настойчиво посигналила обкомовская машина. Василий Захарович почувствовал недоброе: не на прогулку приглашают, раз прислали машину. Водитель сказал, что вызывает первый секретарь, и добавил: вроде бы бомбили аэродром в Жабчицах.

Первый секретарь Авксентий Малахович Минченко сообщил, что немцы совершили вооруженную провокацию, призвал всех быть готовыми к отражению агрессии и приказал готовить транспорт для эвакуации архивов на восток.

Коржу было понятно, что руководитель обкома достаточной информацией не обладает, связи с Минском и Брестом у него нет.

Покончив с погрузкой архива, Корж снова пошел к первому. Связи с Брестом и Минском у того по-прежнему не было. Свое предложение Василий Захарович сформулировал предельно ясно:

– Это война, а не провокация. И война надолго. Я недавно прибыл из Испании, потому знаю, с кем придется воевать. Не обойтись в этом деле без партизанских отрядов. Как бывший партизан предлагаю начинать формирование первого такого отряда. Поверьте моему опыту.

Первый секретарь ответил в стиле того времени:

– Не сей панику, Василий Захарович. Ты думаешь, что мы сдадим немцам Пинск? Красная Армия дальше Буга немцев не пустит. В крайнем случае дальше Кобрин (сорок километров к востоку от Бреста). А скорее всего фронт установится на Висле.

Конечно же, слова о том, что дальше Бреста или Кобрин немцы не продвинулись, с распоряжением готовить к эвакуации семьи и архивы сочетались между собой плохо. Корж, не фиксируя на этом внимание, стоял на своем:

– Тогда буду водить свой отряд на диверсии за Буг и за Вислу. Те места мне известны еще с гражданской войны.

Теперь с высоты прожитых лет я понимаю: Корж знал, что говорил. Идея создания партизанского отряда ему пришла не случайно. Наши нынешние представления о партизанской войне в Беларуси сформированы в первую очередь партизанским опытом республики в Великой Отечественной.

А ведь до этого были другие войны и другие действия партизанских формирований. Например, в годы первой мировой войны на Пинщине базировался казачий партизанский отряд.

Пользуясь тем, что в болотистой местности линия фронта не везде была сплошной, казаки прорывались на неприятельскую сторону, куролесили в ближних немецких тылах и возвращались назад.

Не исключено, что это было известно и Коржу. Во-первых, он родился и вырос в тех краях. Во-вторых, в тридцатые годы, когда Белорусским особым военным округом командовал видный советский военачальник Иероним Петрович Уборевич, в республике многое делалось для возможного развертывания партизанской борьбы в случае предстоящей войны.

Лет двадцать пять назад в журнале «Вопросы истории» я вычитал, что тогда в специальные тайники было заложено несколько десятков тысяч единиц стрелкового оружия, в том числе тысячи пулеметов. А главное – специальную подготовку проходили кадры будущих организаторов и командиров партизанских отрядов.

На регулярных курсах и учениях в условиях полной секретности изучали опыт партизанской борьбы, особенности действий такого рода формирований, овладевали навыками организации диверсий, владения различными видами оружия, минного дела. Среди них был и Василий Захарович Корж.

К сожалению, после известных предвоенных судебных процессов над высшими военными, особенно процесса над маршалом Тухачевским, по которому проходил и командарм Уборевич, после кампаний по разоблачению «заговоров» в Красной Армии эта работа была свернута, тайники с оружием ликвидированы.

Подготовка к партизанской войне стала рассматриваться как пораженчество. Я знаю, что уже во время войны Корж несколько раз ходил в те места, где когда-то закладывалось оружие, боеприпасы, но каждый раз возвращался ни с чем.

Еще большего сожаления заслуживает то, что были ликвидированы и подготовленные для развертывания партизанской борьбы кадры. В той же публикации в журнале «Вопросы истории» указывалось, что уцелели после чисток только три человека. Уцелели они потому, что в разгар репрессий находились в Испании.

Это были Василий Захарович Корж, Кирилл Прокофьевич Орловский и Станислав Алексеевич Ваупшасов. Все трое во время войны стали выдающимися партизанскими руководителями, возглавили крупные партизанские соединения. И всем троим было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Нетрудно представить, насколько полезными для борьбы во вражеском тылу были бы те, кто волею жестокой судьбы до войны не дожил. Но случилось то, что случилось. Искусство партизанской стратегии и тактики пришлось осваивать новым людям и уже по ходу войны.

У Василия Захаровича Коржа был собственный опыт партизанских действий, приобретенный еще в двадцатые годы. К сожалению, в наше время так преподают историю, что молодое поколение уже многого не знает даже из не совсем далекого прошлого.

Большинство людей теперь предполагают, что Беларусь называли республикой-партизанкой, так сказать, по итогам Великой Отечественной войны. А ведь основания для этого появились значительно раньше.

Партизанское движение было широко развито в Западной Беларуси и в начале двадцатых годов прошлого века. Еще в 1918 году после оккупации ее земель германскими войсками оно ярким пламенем вспыхнуло в немецких тылах. И особенно широкий размах получило на юге Беларуси.

Силами партизан, а они составили более 15 тысяч штыков и сабель, от оккупантов было очищено практически все Полесье – юго-западная часть нынешней республики, те самые места, где во время Великой Отечественной войны пришлось партизанить и нам.

Сразу после включения западнобелорусских территорий в состав вновь образованного польского государства начался новый этап партизанской борьбы.

Это движение было настолько массовым и активным, что польские власти не могли справиться с ним даже при помощи многочисленных воинских формирований. Партизаны выставляли ультиматумы польскому сейму, напрямую обращались в Лигу Наций. Прекращено было то партизанское движение по решению ЦК Компартии Западной Беларуси, который, надо полагать, исходил из установок Коминтерна.

Участвовал в этом партизанском движении и В.З. Корж. Более того, участвовал под руководством К.П. Орловского, который тогда был широко известен в Западной Беларуси под псевдонимом Муха-Михальский. Одна из операций, проведенных Муха-Михальским, заслуживает того, чтобы упомянуть о ней сейчас.

В сентябре 1924 года разведка доложила Орловскому, что в Лунинец специальным поездом направляется руководитель Полесского воеводства Довнаркович. Узнав от своих людей о графике движения поезда воеводы, партизаны Орловского на станции Ловча остановили его, обезоружили охрану и захватили все четыре начальственных вагона, а в них – самого воеводу Довнарковича, а также коменданта окружной полиции, епископа и одного из польских сенаторов.

Орловский не стал чинить над ними расправы. Он предложил Довнарковичу подать в отставку и немедленно оповестить об этом центральные польские власти и польскую прессу по телеграфу. Воеводе ничего не оставалось делать как повиноваться. Партизаны тем временем провели «ревизию» поезда, собрали оружие, отогнали за мост паровоз, а мост взорвали. Затем пожелали воеводе быстрее дожидаться подмоги, а сами удалились.

– Убить было проще всего, – объяснял потом партизанам Кирилл Прокофьевич. – Но тогда власти изобразили бы Довнарковича мучеником, а нас – бандитами. Мы же одержали моральную победу, которая зачастую важнее военной. Мы оказались сильнее польского сейма,

который назначал его воеводой, поскольку отрешили Довнаровича от должности без согласия парламента.

В правоте этих слов о чрезвычайной важности моральных побед во время Великой Отечественной войны я убеждался не раз. Собственными глазами видел, как последовательно на эти победы работает Василий Захарович Корж. Мы потом поймем, насколько ценным станет жизненный опыт Коржа и для всех нас, связавших с ним свою военную судьбу, и для всего партизанского движения.

В этих моих словах нет преувеличения. Забегая вперед, признаюсь, что во время борьбы в тылу врага нам и в голову не приходило, что Корж имеет только начальное образование да различные курсы в 30-е годы. Мудрости житейской у него была палата, плюс абсолютная преданность делу и народу. Как командир он был на голову выше многих из тех, кто имел академическое образование.

Помню в сорок первом прибились к нам два полковника-штабиста, которые шли на восток. Они никак не могли сориентироваться ни в окружающей обстановке, ни в том, что мы собирались делать. А Корж находился в своей стихии. Теперь я абсолютно уверен, что именно Василий Захарович и его опыт помогли нам с честью выйти из тех испытаний, которые поставила перед нами война.

Благодаря его организаторскому таланту это движение приобрело столь широкий размах в южной и юго-восточной частях республики. И особенно ценен был этот опыт в первые месяцы фашистской оккупации, когда многие видели перед собой только картины катастрофы, когда людей покидало даже то, что всегда умирает в последнюю очередь, – надежда.

Еще один разговор о создании партизанского отряда с первым секретарем состоялся у Коржа ближе к полудню 22 июня. Минченко на сей раз сказал:

– Знаешь, Василь, ты надежных людей все же подыскивай. Мы поручили Сысоевой и Гиммельштейну помочь тебе в подборе таких людей. Назовем это пока истребительным отрядом.

Ольга Александровна Сысоева до войны работала первым секретарем Пинского обкома комсомола, Иосиф Вульфович Гиммельштейн – вторым секретарем Пинского горкома партии.

Вечером, когда я прибыл из Парохонска в Пинск, комсомольский актив уже был в сборе в здании обкома комсомола. Формирование истребительного отряда завершалось.

Я не раздумывая стал его бойцом. Иное просто не могло прийти в голову молодому комсомольскому работнику. Получил трехлинейку без ремня, выпущенную в 1896 году, и девяносто патронов к ней. Некоторым, кто был более знаком с военным делом, досталась граната.

Ночевали мы тут же, в обкоме, где и как придется: на полу, на стульях, даже на столах. Перекусили тоже чем Бог послал. Помню, что прибежали дети Коржа – дочь Зина и сын Леонид. Они принесли поесть отцу, который не появлялся дома с самого утра. Но, по-моему, ни крошки из того ужина Василию Захаровичу не досталось. Так же считает и Зинаида Васильевна, которая живет ныне в Минске. Да и не до еды ему было.

Забегая вперед, скажу, что вскоре Зина, прибавив себе лет, вступила в армию и всю войну прошла кавалеристом. Леня, который был моложе сестры, к концу войны стал курсантом танкового училища.

Истребительный отряд поначалу нес службу по охране порядка в городе. А в ночь на 26 июня нам скомандовали построение. Истребительный отряд двинулся к станции Городище, которая была в двенадцати километрах от Пинска в сторону Лунинца.

Дорога была запружена народом, поэтому мы двигались по обочине. На траву пала обильная летняя роса, и мои парусиновые ботинки сразу же промокли насквозь. Через некоторое время началась паника. У нас за спиной стали рваться бомбы и снаряды.

Оказывается, облвоенком майор Емельянов, который был начальником гарнизона, приказал взорвать склады боеприпасов, расположенные в лесочке неподалеку от города. Потом он

пытался убедить, что склады разбомбили немецкие самолеты. Это зрелище было не для слабонервных. В том числе и для нас, не видевших войны парней. Для сугубо гражданских людей, особенно женщин, – тем более.

На дороге валялись брошенные вещи, плакали потерявшиеся дети. Несколько военных, сопровождавших пушку на конной тяге, обрубали построики и умчались, бросив свое оружие. Мы, молодежь, старались твердо держаться своего командира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.